

О. В. Кудрявцев

ЗАПУСТЕНИЕ ЭЛЛАДЫ В ПЕРИОД ИМПЕРИИ, ЕГО ПРИЧИНЫ И ЗНАЧЕНИЕ

Катастрофическое падение численности населения в областях наиболее развитого рабовладения, запустение этих областей представляют собой одно из характерных явлений, сопровождавших разложение рабовладельческого способа производства. Причины и следствия этого явления, однако, до сих пор еще не были предметом специального исследования в советской историографии. Только А. Б. Ранович уделяет этому вопросу некоторое внимание. По его словам, падение численности населения было показателем: упадка Греции, а упадок этот был вызван «серьезным затяжным социально-экономическим кризисом»¹. Кроме того, А. Б. Ранович указывает, что причиной запустения Эллады были также опустошительные войны I в. до н. э. и гнет римского господства². Однако эти правильные выводы высказаны А. Б. Рановичем лишь в самой общей форме, конкретный же ход процесса, именуемого социально-экономическим кризисом Эллады, оставляется им без рассмотрения. Между тем данный вопрос несомненно заслуживает дальнейшего изучения, поскольку проблема разложения рабовладельческого способа производства чрезвычайно сложна и может быть исследована лишь в результате соединенных усилий всех советских историков античности.

К тому же в буржуазной науке этот вопрос часто является исходным пунктом для различных построений, искажающих действительный ход исторического процесса. Одни исследователи, например, Кайль, автор главы о греческих провинциях в «Кембриджской древней истории», склонны сомневаться в том, что запустение, о котором единогласно говорят античные авторы, было настолько катастрофическим. В нескольких местах³ Кайль стремится доказать, что известия древних авторов преувеличены и что в период империи в некоторых областях Эллады наступает некоторое возрождение. Нельзя сомневаться в том, что положение отдельных областей Эллады несколько улучшилось в период империи по сравнению со временем военных опустошений конца республики, но это не должно скрывать от исследователя основного факта все увеличивавшегося запустения страны в целом. В сущности, эта точка зрения, быть может, даже незаметно для тех, кто ее защищает, смыкается с неоднократными в буржуазной литературе попытками отрицать вообще катастрофическое падение античного мира, революционный характер перехода от антично-

¹ А. Б. Ранович, Восточные провинции Римской империи в I—III вв., 1949, стр. 218.

² Там же, стр. 220.

³ J. Keil, The Greek Provinces, САН, XI, 1936, стр. 562, 564, 566 и др.

сти к средневековью (наиболее ярко Допп¹, отчасти Ростовцев² и, в известной мере, Пиренн³).

Другие буржуазные историки, напротив, не только не отрицают резкого сокращения численности населения в коренных областях античного мира — Греции и Италии,— но даже превращают его в главную причину падения античного мира. С наибольшей определенностью и в наиболее реакционной форме эта теория была сформулирована Зееком⁴, который полагает, что наиболее опасной стороной исчезновения населения было «истребление лучших»⁵ благодаря чему античная культура потеряла свою интенсивность. Грубо говоря, Зеек считает, что в то время как «более сильные» гибли во время проскрипций и казней, войн и восстаний, «слабейшие» оставались, имели потомство, и, таким образом, происходило «вырождение расы». Реакционная сущность этой откровенно расистской теории совершенно ясна: с точки зрения Зеека, творцами истории являются не народы, а отдельные избранные, гибель которых приводит к социально-политическому и культурному упадку. Столь же ясна и методологическая порочность концепции Зеека: как известно, ни увеличение, ни уменьшение плотности населения не могут сами по себе вызвать изменение общественного строя; «...рост народонаселения не является и не может являться главной силой развития общества, определяющей характер общественного строя, физиономию общества»⁶; часто само изменение плотности населения зависит от степени социально-экономического развития. Как будет показано ниже, значительное понижение плотности населения Эллады было результатом кризиса полиса, а затем и античного рабовладельческого общества и лишь одним из явлений, его сопровождавших, а не причиной гибели «греко-римской цивилизации». К тому же Зеек, совершенно не задумываясь, подменяет вопрос о падении античного мира вопросом об упадке Италии и Греции. Наконец, совершенно ложно и то положение Зеека (I, 318), согласно которому плотность населения уменьшается вследствие «культурного упадка» — это, разумеется, неверно с теоретической точки зрения и, конечно, не находит себе подтверждения в источниках, которые, как будет показано ниже, со всей определенностью свидетельствуют об истинных причинах запустения коренных областей развитого античного рабовладения.

Падение численности населения в Элладе началось еще со второй половины эллинистического периода. Многочисленные античные авторы от Полибия до Павсания единодушно говорят о запустении Эллады, и потому не может быть сомнения, что эти известия отражают действительное положение вещей, если даже сделать скидку на риторические преувеличения. Уже в середине II в. до н. э. Полибий говорил о начинающемся запустении Эллады: «в наши времена Элладу охватили бедность и вообще малолетство, из-за которого и города опустели и бывают (εἴναι στυφέλιον) неурожай, хотя нас не постигали ни постоянные войны, ни

¹ A. D o p s c h, Wirtschaftliche und soziale Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung aus der Zeit von Caesar bis auf Karl den Grossen, I, 1923, стр. 94 слл.; II, 1924, стр. 539 слл.

² M. R o s t o v t z e f f, The Decay of the Ancient World and its Economic Explanations, ENR, II, 2, 1930, стр. 197—214.

³ Поскольку он связывает переход от древности к средним векам в жизни Западной Европы не со временем переселения народов и падения Западной Римской империи, а с арабским завоеванием. См. H. P i r e n n e, Economic and Social History of Medieval Europe, 1936, стр. 1 слл.

⁴ O. S e e c k, Geschichte des Untergangs der antiken Welt, I, 1895, стр. 318—367.

⁵ O. S e e c k, ук. соч., 257—289: «Ausrottung der Besten».

⁶ «История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс», 1945, стр. 114.

тяжелые эпидемии»¹. Через столетие после Полибия Сервий Сульпиций в своем часто цитируемом письме, утешая Цицерона в смерти любимой дочери, такими словами характеризовал бедственное положение Эллады, вернее, эллинских городов по берегам Саронического залива, во времена Цезаря (45 г. до н. э.): «Когда, возвращаясь из Азии, я плыл из Эгины в Мегару, я начал осматривать окрестные места. За мной была Эгина; впереди — Мегара; направо — Пирей; налево — Коринф; эти города, которые когда-то были цветущими, ныне лежат перед глазами уничтоженных и разрушенных. Я начал так сам с собой рассуждать: о! мы, людишки, негодуем, если кто-нибудь из нас погиб или убит, чья жизнь должна быть короткой, в то время как (quasi) в одном месте лежат поверженными трупы стольких городов. Не хочешь ли ты, Сервий, смириться и помнить, что ты рожден человеком? Поверь мне, я был очень укреплен этим рассуждением» (Cic., Ad fam., IV, 5). Хотя картина, нарисованная Сервием Сульпицием, и страдает некоторыми риторическими преувеличениями², тем не менее, она, в основном, верно характеризует положение Эллады в последние десятилетия республики.

Через несколько десятков лет после Сервия Сульпиция, в начале I в. н. э., составлял свое географическое сочинение Страбон, давший не менее яркую картину запустения различных областей Эллады. «Впрочем, и Лаконика теперь бедна людьми, если судить по сравнению с древним многолюдством. Ведь кроме Спарты остаются лишь какие-то городишки числом около тридцати; в древности же, говорят, она называлась стоградной, и вследствие этого ежегодно ими устраивались гекатомбеи» (Strabo, VIII, 4, 11, 362). Мессения, в описании Страбона, — страна большей частью пустынная (VIII, 4, 11, 362). Дельфы впали в крайнюю бедность (IX, 3, 8, 420). При этом не только такие древние центры классической Греции, как Аттика или Лаконика, но и более отсталые области, выдвинувшиеся в IV в. или в эллинистический период, подверглись запустению. Страбон говорит о почти полном запустении Аркадии, в которой остались одни пастбища, пригодные для коневодства (VIII, 8, 1, 388), а из городов известное значение сохранила только Тегея³. Этолия в изображении Страбона — опять-таки сплошная пустыня, годная лишь для разведения коней⁴, причем это подтверждается надписями (см. Keil, SAN, XI, 563). Хотя Страбон основывался главным образом на литературных источниках, тем не менее конкретность и определенность сообщаемых им сведений заставляют относиться к ним с большим вниманием. На рубеже I и II вв. н. э., в период экономического подъема империи, о катастрофическом падении численности населения Эллады сообщает Плутарх; в своем сочинении «Об исчезновении оракулов» (8), он, между прочим, говорит: «... из общего малолюдства, которое произвели по всей почти ойкумене прежние восстания и войны, Эллада получила наибольшую долю и вся с трудом доставила бы ныне три тысячи голитов — столько, сколько один полис мегарцев выслал в Платеи»⁵.

¹ P o l y b., XXXVI, 17, 5. Полибий, однако, неправ, отрицая роль войн в опустошении Эллады. На значение войн в этом отношении указывал позднее С т р а б о н (VIII, 8, 1, 388).

² Так, Пирей не был окончательно разрушен, но проявлял некоторую, хотя и значительно сократившуюся, торговую деятельность; см. J. D a y, An Economic History of Athens under Roman Domination, 1942, стр. 124, 142—143, 145, 149, 151, 153.

³ S t r a b o, VIII, 8, 2, 389. Об остальных городах С т р а б о н (VIII, 8, 2, 389) говорит, как о полностью или почти полностью исчезнувших.

⁴ S t r a b o, X, 2, 3, 450; 22, 460. То же говорит С т р а б о н (VIII, 7, 5) и об Ахайе в узком смысле этого слова, т. е. о северном побережье Пелопоннеса.

⁵ Правда, это место пытались смягчить (G. F. H e r t z b e r g, Die Geschichte Griechenlands unter der Herrschaft der Römer, II, 1868, стр. 192 слл.) в том смысле, что Плутарх имел в виду резкое падение численности слоя средних и мелких землевладель-

Современник Плутарха Дион Хрисостом посещает различные области Эллады и везде находит следы глубокого упадка. В Фивах, по его словам, сохранилась только Кадмея, все прочее представляет собой пустое место (Dio Chrys., Orat. VII (XIII), 120—122); посещая Эвбею, он видит опустошенные и разрушающиеся города, коз, пасущихся на поросших травой ступенях булеветерия, замирание общественной и культурной жизни (VII (XIII), 219—274R). Дион изображает некоторые области Эвбеи, как почти первобытную страну, где люди добывают пропитание охотой и разведением скота.

Еще через несколько десятков лет Павсаний, говоря об Этолии, дает точно такую же картину запустения, как и Страбон¹. Бросается в глаза, как часто у Павсания упоминаются развалины различных городов: в развалинах лежал, например, крупнейший город Аркадии Мегалополь (Paus., VIII, 33, 4). Сходную картину наблюдает Павсаний в Беотии. Посещая Платейскую область, он видит развалины Гисий и Эритр (IX, 2, 1). Фивы, как и во времена Диона Хрисостома, остаются опустошенными (IX, 7, 6). От Гармата, Микалесса (IX, 19, 4), Онхеста (IX, 26, 5) остались одни развалины. Такая же картина наблюдается в Фокиде².

Таким образом, шесть авторов, не зависящих друг от друга и разделенных значительными промежутками времени, единодушно говорят о запустении Эллады. Если даже предположить, что некоторые из них, например, Дион Хрисостом, слегка преувеличивают в целях большей риторической выразительности, то в этом во всяком случае нельзя упрекнуть такого делового писателя, как Страбон. Эллада времени Антонинов, пережившая более полутора веков спокойного развития, немногим отличается от разоренной гражданскими войнами Эллады времен Августа. Поэтому высказывание Энгельса, подчеркивающего упадок городов³, как характерную черту кризиса рабовладельческого общества на Западе, вполне применимо и к городам Эллады во II в. н. э.

Для выяснения причин такого катастрофического запустения Эллады необходимо рассмотреть вкратце весь ход социально-экономического развития этой классической страны античного рабовладения и античной формы собственности на землю. По словам Маркса, античная форма земельной собственности, которую он рассматривает на примере римской квиритской собственности, характеризуется тем, что «частный земельный собственник является таковым только как римлянин, но как римлянин он обязательно — частный земельный собственник»⁴. Развитие рабовладения и сопровождающая его концентрация земли в руках богачей неминуемо приводят к нарушению этого важнейшего условия воспроизводства данной формы

цев, из которого выходили гоплиты, однако это не меняет сути дела. Не говоря уже о том, что у Плутарха речь идет о *κοινῆ ἀδυναμία*, именно сокращение слоя средних и мелких землевладельцев и было главной причиной и главным признаком охватывавшего Элладу малолетства (см. об этом ниже).

¹ Paus., VIII, 24, 11: γεγόναι δὲ αὐτοῖς τε ἀνάστατοι καὶ ἡ γῆ σφίσι πᾶσα ἡρημωτά, «они же [этолийцы] были подняты со своих мест, и земля их запустела».

² Paus., X, 4, 1: «у этих [у фокейцев] вот что осталось на память; от Херонеи же стадиев двадцать до Панопеев, полиса фокейцев, если вообще кто-либо назовет полисом и тех, у которых нет ни правительственных зданий, ни гимнасия, которые не имеют ни театра, ни агоры, ни воды, собирающейся в бассейн, но живут прямо по склонам ущелья в полуземлянках, более всего похожих на хижины, встречающиеся в горах».

³ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства в связи с исследованиями Л. Г. Моргана, 1952, стр. 154.

⁴ К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству (О процессе, предшествующем образованию капиталистического отношения или первоначальному накоплению), ВДИ, 1940, № 1, стр. 13.

собственности, приводят к кризису полиса. Сущность процесса, именуемого кризисом полиса, таким образом, и состоит в процессе концентрации земли, с одной стороны, и разорения значительных масс граждан — с другой.

Кризис полиса ни в коем случае нельзя отождествлять с кризисом рабовладельческого способа производства. Напротив, только разрушение мелкокрестьянского землевладения и концентрация земли в руках немногочисленных богачей-рабовладельцев — процесс, составляющий экономическое содержание понятия «кризис полиса», — дает полный простор развитию рабовладельческого хозяйства. По словам Маркса, «как мелкое крестьянское хозяйство, так и независимое ремесленное производство... представляют экономическую основу классического общества в наиболее цветущую пору его существования, после того как первоначальная восточная общинная собственность уже разложилась, а рабство еще не успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени»¹. Таким образом, разорение свободного крестьянства и мелких ремесленников, живших, в основном, своим трудом, является условием для того, чтобы рабский труд овладел производством. И поскольку в то время только в рабовладельческом хозяйстве мог осуществляться прогресс производства, процесс кризиса полиса был процессом прогрессивным,двигающим вперед развитие производительных сил.

Но как только этот процесс достигает более или менее высокой степени развития, тотчас же начинает в полной мере сказываться основное противоречие рабовладельческого способа производства, которое в конце концов и приводит его к гибели.

Это основное противоречие заключалось в том, что при консервативности технического базиса рабовладельческого строя и при полной незаинтересованности раба в труде, рабовладельческое хозяйство может развиваться только вширь, за счет увеличения размеров хозяйства (земельных площадей и числа рабов), но в то же время такое экстенсивное развитие производства имеет свои весьма ограниченные рамки: рабовладельческое хозяйство остается рентабельным только до тех пор, пока число рабов в нем ограничено, в противном случае труд надзора за ними поглощает значительную часть дохода, а огромное скопление рабов становится угрожающим для самого существования рабовладельческого общества.

Яркий пример проявления этого противоречия представляет история Италии и Сицилии во II—I вв. до н. э. К тому же вытеснение из производства огромных масс разоренных свободных производителей обременяет рабовладельческое общество необходимостью содержать толпы люмпен-пролетариата, которые в противном случае угрожают сомкнуться с рабами. «Рабство — там, где оно является господствующей формой производства, — превращает труд в рабскую деятельность, т. е. в занятие, бесчестящее свободных людей. Тем самым закрывается выход из подобного способа производства, между тем, с другой стороны, для более развитого производства рабство является помехой, и устранение последнего становится настоятельной необходимостью. Всякое основанное на рабстве производство и всякое основывающееся на нем общество гибнут от этого противоречия»². Таким образом, развитие рабовладения, вытесняющее из производства свободных производителей материальных благ, приводит к тому, что для них остаются только два выхода: либо пополнять собой нишу и

¹ К. Маркс, Капитал, I, 1951, стр. 341, прим. 24.

² Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1952, стр. 330.

бесплезную массу античных пролетариев¹, либо искать счастья за пределами родного города.

Изменения в экономике сопровождаются политическими изменениями, так как политическая форма, соответствовавшая определенным условиям распределения земельной собственности, при нарушении этих условий оказывалась во многих отношениях непригодной. Подобно тому, как формы собственности на средства производства являются ведущим фактором производственных отношений, они, и, в первую очередь, формы собственности на важнейшее средство производства — землю, — оказывают решающее воздействие и на политический строй данного общества. Если периоду господства крупного землевладения древней родовой знати соответствует аристократическое устройство полисов, если с укреплением мелкого и среднего землевладения в результате общественно-политической борьбы VII—VI вв. до н. э. приходит к власти рабовладельческая демократия, то теперь прежнее демократическое устройство вступает в противоречие с изменениями в экономическом базисе.

Демократия времен Клизфена опиралась на преобладание мелкого и среднего землевладения. Теперь, в обстановке разорения крестьянства и растущей концентрации земли политический строй полиса может измениться в двух направлениях: либо, особенно на первых порах, сохраняется демократия, но она становится демократией безземельных (которые, живя в городе, являются к тому же политически наиболее активным элементом по сравнению с задавленным долгами и непосильным трудом крестьянством), либо она сменяется олигархией богатых.

Обе формы неустойчивы и часто сменяют друг друга в обстановке острейшей социально-политической борьбы. Демократические перевороты нередко сопровождаются перераспределением земельной собственности, но эти перераспределения могут лишь отсрочить, но не полностью предотвратить растущую концентрацию земли, которая вызывается всем ходом развития рабовладельческого способа производства. В обстановке напряженной социально-политической борьбы развития наемничества возникает поздняя тирания, которая представляет собой наиболее грозное оружие самых широких слоев свободного населения, направленное против олигархов.

В результате всех этих обстоятельств древний полис перестает отвечать задачам подавления эксплуатируемых масс: появляется тенденция к объединению полисов в союзы и включению их в состав крупных монархических государств. Особенно типично это для полисов с олигархическим устройством.

Кризис полиса на территории Эллады, во всяком случае в ведущих ее областях, начинается еще во времена Пелопоннесской войны. Он с необходимостью подготовлялся всем предшествующим развитием на протяжении VI—V вв., на которые падает расцвет эллинского полиса, в первую очередь, развитием рабовладения и товарно-денежных отношений.

Лучше всего этот процесс известен на примере Афин. К середине V в. развитие ремесла и торговли уже привело к перенесению центра тяжести аттического производства в сферу ремесла. Вместе с тем изменяется и характер производственных отношений в самом ремесле. На смену мелким свободным ремесленникам, работавшим индивидуально или с помощью одного — двух рабов, приходят основанные целиком на рабском труде эргастерии, в которых рабы насчитывались десятками. Эргастерии, вследствие того,

¹ К. Маркс, Восемнадцатое брошюра Луи Еснапарта, 1948, стр. 5, приводит слова Сисмонди, который говорит: «римский пролетариат жил на счет общества, между тем как современное общество живет на счет пролетариата». То же можно сказать и о беднейших слоях населения греческих городов.

что из рабов можно было выжать всю массу прибавочного труда, какую они только могли дать, и вследствие того, что они представляли собой форму простой кооперации, были в этот период экономически более жизнеспособны, чем мелкое ремесло. Поэтому под влиянием конкуренции рабского труда начинается разорение мелких свободных производителей в городах. Оно происходило постепенно: во времена Аристофана мелкие свободные производители были еще достаточно многочисленны в Афинах (см., например, *Ar., Av., 490—491*). Однако роль эргастериев возрастает все более и более. Весьма характерно, что в V—IV вв. многие политические деятели, а также деятели культуры выходят из среды владельцев эргастериев: у Клеона была кожевенная мастерская (*Schol. in Ar. Eq., 44*), у Гипербола — ламповая (*Ar., Pax, 690*), у отца Софокла — мастерская, в которой работали рабы-медники или плотники — (*Vita Soph., 126*), у Лисия — мастерская щитов (*Lys., Orr., XII, 8; 19*), у отца Исократа — мастерская флейт (*Dion Hal., de Is. iud., 1; Zos., стр. 253, 1 сл.; Phil., VS, I, 17, 4*), у отца Демосфена — две мастерских — мастерская кроватей и оружейная (*Demosth., Orr., XXVII, 9, 816*). Все эти мастерские были основаны на рабском труде. Без сомнения, именно эргастерии давали важнейшую долю афинского ремесленного вывоза, который в V—IV вв. расходуется по всем странам Средиземноморья. Вместе с тем развитие товарно-денежных отношений приводит к тому, что многие землевладельцы теряют или покидают свои участки земли и вынужденно или добровольно ищут прибыльных занятий в городе. Относительно весьма рано Афины становятся крупнейшим центром ремесленного производства, а значительную часть хлеба начинают ввозить извне. Соответственно меняется и сельскохозяйственное производство: место зерновых культур занимают типичные отрасли пригородного сельского хозяйства — разведение винограда и маслин, садоводство. Интенсификация сельского хозяйства в свою очередь способствует проникновению рабского труда в земледелие и тем самым косвенно ускоряет процесс экспроприации крестьянства. Без сомнения, сходное развитие происходит и в других торгово-ремесленных полисах, например, в Коринфе, Мегаре и т. д., однако их история известна значительно хуже.

До последней трети V в. процесс шел весьма медленно и был даже с внешней стороны мало заметен. Решительный толчок процессу разорения крестьянства дали события Пелопоннесской войны. Нарушение нормальных условий хозяйственной жизни, военные действия, надолго отвлекавшие землевладельцев от их земли, наконец, опустошения, вызванные этой войной, во много раз ускорили процесс утери гражданами земельных участков. По словам Маркса, «...войны... разоряли плебеев, принуждая последних нести военные повинности, мешавшие им воспроизводить условия их труда и потому превращавшие их в нищих (обнищание, истощение или потеря условий воспроизводства являются при этом преобладающей формой)...»¹. То же самое происходило и в Элладе в период Пелопоннесской войны, с той лишь разницей, что вследствие более высокого развития товарно-денежных отношений, чем в раннем Риме, обнищание крестьянства принимало еще более значительные масштабы.

Особенно остро протекал этот процесс на территории Аттики. Еще в первый год войны аттические крестьяне были вынуждены бросить свои наследственные земли, свои дома, поля, сады, виноградники и переселиться под защиту города, Пирея и Длинных стен (*Thuc., II, 16—17*). Вторжения лакедемонян в Аттику повторялись затем почти каждый год, пока

¹ К. Маркс, Капитал, III, 1—2, 1951, стр. 612—613.

афиняне не пригрозили казнить захваченных на Сфактерии спартиатов, когда аттические крестьяне получили возможность вернуться, многие из них уже не могли справиться с задачей восстановления своего хозяйства, тем более, что значительная часть взрослых мужчин все еще находилась в армии. Разорением аттического крестьянства уже в первые годы войны объясняется резкий переход к господству так называемой «радикальной» демократии, которая была на деле демократией безземельных — купцов и владельцев эргастериев, с одной стороны, корабельного охлоса — с другой. На короткое время в связи с ролью ремесла и торговли в общей системе афинского хозяйства и ролью флота в системе военной организации Афин господство безземельного гражданства стало возможным. В условиях войны интересы двух принципиально различных по своему общественному положению групп, на которые оно распадалось, были одинаковы. И те и другие хотели продолжения войны, укрепления и расширения Афинской державы, усиления эксплуатации союзников. Для одних это означало расширение рабовладельческого производства и сбыта продукции эргастериев, для владельцев оружейных мастерских, в частности — постоянный спрос на предметы вооружения, одним словом — рост доходов, для других — поддержание своего существования за счет государственных раздач, платы за отправление должностей, платы за службу во флоте в качестве гребцов и матросов. Вместе с тем, война не затрагивала их так, как она затрагивала аттических крестьян: она не отрывала их от земли, которой у них не было; по этой же причине их не особенно страшило опустошение Аттики. Демократия безземельных приходит к власти в Афинах после смерти Перикла и господствует непрерывно почти до самого Никиева мира.

Разорение аттического крестьянства продолжалось и во второй половине Пелопоннесской войны. Спартанцы, укрепившиеся в Декелее, продолжали опустошать Аттику. Бегство афинских рабов в Декелею также должно было ударить прежде всего по средним и мелким рабовладельцам. Ко всему этому добавлялись и чисто экономические причины — расстройство хозяйства, растущая конкуренция рабского труда, применявшегося на землях богатых землевладельцев, рост задолженности. Эти причины продолжали действовать с возрастающей силой и в IV в.¹ На прогрессирующее разорение беднейших слоев афинского гражданства указывают хотя бы такие мероприятия, как введение диобелии в конце Пелопоннесской войны или платы за посещение народных собраний в IV в. Олигархическое движение в Афинах в период Пелопоннесской войны, тирания тридцати, позднее борьба македонской и антимакедонской партии — все это также свидетельствует о растущем антагонизме богатых и бедных и, следовательно, косвенным образом, о дальнейшем разорении крестьянства.

В конце Пелопоннесской войны кризис полиса захватывает не только передовые торгово-ремесленные Афины, но и консервативную аграрную Спарту. Здесь он протекал, однако, несколько иначе. Правда, спартиатов, лично не занимавшихся земледелием и эксплуатировавших прикрепленных к их клерам илотов, нельзя назвать в полном смысле этого слова крестьянами, однако и здесь происходит концентрация земли и катастрофическое разорение значительной части лакедемонского гражданства. Отрыв землевладельца от его земли не имел здесь таких губительных последствий,

¹ Надписи, собранные и прокомментированные у Fine, Horgoi, «Hesperia», доп. том IX, 1951, показывают, что многочисленные операции по закладу земли, которые приводили в большинстве случаев к ее отчуждению, начинаются (впервые после Солона, когда они имели существенно иной характер) со времени Пелопоннесской войны и действительно происходят на протяжении IV—III вв.

как в Аттике, так как на земле работали илоты, которые вели самостоятельное хозяйство. Военные опустошения также сыграли меньшую роль: правда, афиняне в первые годы войны совершали неоднократные плавания вокруг Пелопоннеса и с такой же регулярностью опустошали его берега, с какой спартиаты опустошали Аттику, правда, владения спартанцев в Мессении сильно пострадали после укрепления афинян в Пилосе, как вследствие опустошений, которые производили афиняне, так и вследствие богства к ним илотов, однако в целом, Пелопоннес пострадал все же меньше, чем Аттика. Разложение старых условий жизни в Спарте вызывалось проникновением в нее денежных отношений, от которых она до того была искусственно ограждена (как известно, в Спарте существовали только железные деньги). Внутри спартанской «общины равных» возникает олигархическая верхушка. В руках отдельных лиц сосредотачиваются обширные богатства (см., например Plato, Alc. I, 122 e; Hipp. sen., 283 d), возникшие в результате грабежа, персидских субсидий и т. д. Притоку денег в Спарту способствовало укрепление связей с персидским царем и эллинскими городами Малой Азии (Plato, Alc. I, 122 e). Эта олигархическая верхушка во главе с Лисандром захватывает власть в Спарте в последние годы войны и сохраняет ее и после ее окончания. Закон эфора Эпитадея, изданный около 400 г., разрешивший дарить и завещать недвижимое имущество, уничтожил юридические преграды, затруднявшие концентрацию земли. После этого обогащение одних и разорение других пошло еще быстрее, чем раньше (Plut., Ag., 5, 2—4). Перераспределение частной собственности сопровождалось сильнейшим обострением социальных противоречий. Против правящей олигархии объединились самые различные социальные силы: богатые, но бесправные периойки, обедневшие спартиаты (гипомейоны), вольноотпущенники (неодамоды) и илоты. В 399 г. происходит неудачный заговор Кинадона, к этому же примерно времени относится проект реформ Павсания II, стремившегося, между прочим, восстановить древнее равенство в распределении клеров. Однако все попытки остановить или повернуть вспять процесс расслоения спартанской общины были неудачны. С возрастающей силой он продолжался и в IV в., особенно после того, как Спарта потеряла свою гегемонию в Элладе и в Пелопоннесе и свои владения в Мессении. Процесс концентрации земли начался в Спарте позже, чем в Афинах, но протекал более катастрофично, поскольку те экономические процессы, которые Афины переживали раздельно в VI и в IV вв., здесь происходили одновременно — как раз в конце V—IV вв. в Спарте получает значительное развитие частное рабовладение; проблема обедневших спартиатов выступала здесь в сочетании с проблемой периойков и илотов. Именно поэтому Спарта стала в III в. центром одного из самых значительных социальных движений эллинистического периода — движения, во главе которого стояли Агис и Клеомен, а затем одним из важнейших центров поздней тирании (Маханид, Набис). Движение обездоленных спартиатов за возвращение им утерянной ими земли, движение илотов за свободу и равноправие, движение периойкских городов за независимость от Спарты, закончившееся образованием лиги элевтеролаконов — все это указывает на бурно протекавший процесс изменений в социально-экономическом и политическом строе Спарты в эллинистический период.

По отношению к ряду других эллинских полисов Пелопоннесская война также дала определенный толчок процессу разорения крестьянства. Военные опустошения, грабеж, уничтожение целых полисов, — все это должно было сыграть известную роль. На афинских союзников определенное воздействие должна была оказать эксплуатация их при помощи форося, сумма которого при Клеоне возросла почти втрое по сравнению с той,

которая была установлена Аристидом. Об остроте социальной борьбы внутри гражданства эллинских полисов в период Пелопоннесской войны свидетельствуют события на Керкире. В IV в. Платон (*Resp.*, IV, 422e—423a) писал, что в каждом полисе Эллады существуют два полиса — полис бедных и полис богатых, которые находятся в постоянной вражде между собой. В это время процесс разорения крестьянства охватил значительную часть Эллады.

Одним из следствий разорения крестьянства было развитие массового наемничества греков, которые, начиная с похода Кира Младшего, участвуют как наемники почти во всех войнах, происходивших на территории Восточного Средиземноморья. В предшествующие столетия типичным родом войска в эллинских полисах была тяжеловооруженная фаланга гоплитов, вооружавшихся на свой счет. По мере разорения крестьянства в полисе становилось все меньше землевладельцев, которые могли обзавестись дорогим комплектом тяжелого вооружения. В силу этого властям полиса приходилось ориентироваться не столько на поредевшее гражданское ополчение, сколько на наемников. Отдельные предприимчивые полководцы (в качестве примера можно привести Хабрия, Ификрата, Тимофея) организовывали на свой счет целые наемные армии и поступали с ними на службу к отдельным эллинским полисам, к «великому царю», персидским сатрапам и независимым правителям Египта. Вместе с изменением способа формирования изменяются и вооружение и тактика армии; вместо дорогого тяжелого вооружения вводится более дешевое легкое: так, вместо тяжелого щита гоплитов, покрытого сверху металлической пластинкой, входит в употребление легкий щит—пельта, — не имевший металлических частей, от которого и сами легковооруженные воины получили наименование пельтастов. Кадры наемников пополнялись также в значительной мере за счет разоряемого крестьянства, как это было с профессиональной армией и в Риме со времен военной реформы Мария. Крестьяне, терявшие свои земельные участки, охотно становились наемниками: недавние землевладельцы, они привыкли к военной службе в качестве гоплитов; военное ремесло казалось им и более легким и более почетным, чем производительная деятельность в городах, так как под влиянием развития рабовладельческого способа производства всякий физический труд, кроме земледельческого, стал считаться рабской деятельностью; военная служба могла сулить быстрое обогащение, а при благоприятных обстоятельствах — даже приобретение земельной собственности. Наемники IV в. происходили из самых различных концов Эллады: в походе Кира участвовали лакедемонянин Клеарх, афинянин Ксенофонт, аркадец Софайнет из Стимфала, фессалиец Аристипп, беотиец Проксен, ахеец Сократ и т. д. С течением времени по мере разложения спартанской общины особенно большое количество наемников доставляет Лакедемон. Мыс Тенар на юге Пелопоннеса становится обычным местом вербовки наемников. Крупнейший спартанский полководец IV в., царь Агесилай, умер на пути из Египта, где он предводительствовал наемным войском на службе у царей Тахоса и Нектанеба II; службой за плату он хотел добыть денег для обедневшей Спарты. Лишенные своей земли крестьяне, становясь наемниками, массами выселялись за пределы Эллады, главным образом, на Восток. С середины IV в., когда в дела Эллады властно вмешивается Македония, эмиграция принимает еще более широкий размах. С одной стороны, македонское завоевание ухудшило положение широких масс населения Эллады, с другой, — походы Александра, борьба эллинистических царей друг с другом и греко-македонская колонизация Востока открыли перед разоренными гражданами эллинских полисов более широкие, чем когда-либо ранее, возможности в смысле выселения за пределы страны. В немалой степени способствовали

опустошению Эллады и сами по себе бесконечные войны, которые происходили на ее территории в IV—III веках¹.

К тому же с начала эллинистического периода ко многим прежним причинам опустошения страны прибавились еще новые.

В VI—IV вв. до н. э. Эллада была наиболее передовой страной средиземноморского мира. Эллинская ремесленная продукция расходилась по всему Средиземноморью. Торговые пути средиземноморского бассейна сходились в Элладе. С началом эллинистического периода эта экономическая гегемония Эллады начинает падать. Экономические центры античного мира перемещаются на Восток, на территорию новых эллинистических государств. Очень быстро новые города, возникшие на Востоке — Александрия, Антиохия, Селевкия на Тигре, — затмевают собой старые полисы материковой Эллады. Эллада начинает испытывать на себе воздействие процесса децентрализации ремесла, т. е. возникновения многочисленных новых центров ремесленного производства, разбросанных по всей территории Средиземноморья. Эллада теряет ту монополию на производство ремесленных изделий, которую она имела раньше. Короче говоря, происходит перемещение жизненных центров античного общества, и Эллада начинает превращаться в то, чем она была по своим естественным ресурсам — в глухую провинцию, в беднейшую страну Средиземноморья.

Наконец, громадные опустошения происходят в Элладе в период завоевания страны Римом. Римляне появляются на горизонте Эллады с конца III в. На территории Эллады и в ее водах римские войска и римский флот появились впервые в связи с Первой Македонской войной. Римляне в союзе с этолийцами в этой войне боролись против Македонии. Договор римлян с этолийцами, согласно которому римляне отказывались в пользу этолийцев от всех захваченных ими территорий, а себе брали только движимое имущество, в том числе и рабов, производит на первый взгляд странное впечатление. Может показаться, что римляне вели эту войну чуть ли не в качестве наемников этолийцев, и это в то время, когда враг стоял на их территории и когда все силы Рима должны были быть направлены на борьбу с Ганнибалом. Тем не менее, этот договор был совершенно логичен с точки зрения римских интересов. Условия этого договора объяснялись, с одной стороны, тем, что задача римлян была не захватить какие-то земли на Востоке, а ослабить Македонию, воспрепятствовать появлению македонян на территории Италии в союзе с Ганнибалом, а, с другой стороны, и это совершенно несомненно, приобрести возможно большее количество рабов. Италия была опустошена Ганнибалом, почти все свободное население находилось под оружием, и она более, чем когда-либо, нуждалась в рабочей силе. И действительно, военные действия римлян на территории Эллады сопровождаются в этот период массовым обращением населения в рабство. Такая судьба постигла Антикиру, Орей, Диму, Эгину и ряд других полисов Эллады². Политически бессильная, Эллада обращается в место охоты за рабами, и это несомненно также сильно способствовало ее запустению.

Римские войны II в. — Вторая Македонская, Сирийская, Третья Македонская, наконец, война Муммия с Ахейским союзом — имели сходные последствия.

¹ На войны этого периода, как на причину упадка Эллады, в частности Аркадии, указывал еще Страбон (VIII, 8, 1, 388): «... города ее [Аркадии], бывшие прежде знаменитыми, исчезли из-за постоянных войн...».

² P o l y b., IX, 39, 2—3; 42, 5—8; XI, 5,5; 7—8; XXII, 11,9; P a u s., VII, 17, 5.

После римского завоевания положение не становится лучше. Напротив, превращение значительных территорий в римскую провинциальную землю, новые налоги и повинности, насилия наместников, разорения гражданских войн — все это убыстряет еще больше процесс запустения Эллады, начавшийся вследствие внутренних причин. Действительно, Первая Митридатова война, а затем почти все гражданские войны происходили частично либо на территории Эллады, либо поблизости от нее. Гражданские войны сопровождались опустошением местностей, по территориям которых проходили войска, грабежами и реквизициями.

Так, например, Плутарх, со слов своего деда, рассказывает, что Антоний незадолго до битвы при Актии распорядился вывезти из греческих городов все запасы хлеба, которые там были, причем должны были это сделать сами жители. И вот жители Херонеи, не имевшие вьючных животных, должны были тащить на себе мешки с хлебом к ближайшему порту для того, чтобы отправить их на прокормление римской армии.

Со второй половины эллинистического периода начинает действовать еще одна причина, вызывавшая прогрессирующее запустение Эллады, — начавшийся на ее территории кризис рабовладельческого способа производства. Первые признаки его относятся не ранее чем ко второй половине III в. до н. э.; это известные дельфийские манумиссии, указывающие на значительное развитие вольноотпущенничества в Элладе в этот период. Столь ранний кризис рабовладения в Элладе по сравнению с другими областями Средиземноморья мог объясняться упадком ремесленного производства в Элладе, а в известной мере и интенсивного земледелия, т. е. тех отраслей хозяйства, в которых в первую очередь применялся рабский труд. И ремесло и интенсивное земледелие имели товарный характер: однако внутренний рынок сужался вследствие разорения мелких свободных производителей, а внешний — вследствие возникновения новых центров ремесла и интенсивного земледелия на периферии Эллады. Разумеется, вывоз из Эллады не прекратился полностью (о вывозе оливкового масла из Аттики еще в период империи свидетельствует известный указ Адриана), однако он настолько уменьшился, что это вместе с сокращением внутреннего рынка не могло не оказать значительного воздействия на рентабельность эксплуатации рабов. Наступивший вслед за кризисом полиса кризис рабовладельческого способа производства стал оказывать еще более разрушительное воздействие на благосостояние Эллады. Поскольку в Элладе, на территории которой раньше, чем в других областях древнего мира, рабовладельческий способ производства исчерпал возможности своего развития, не было предпосылок перехода к иному, более высокому способу производства¹, естественными результатами кризиса рабовладельческого строя

¹ Формирование элементов феодализма выражалось прежде всего в формировании элементов феодальной собственности. Важнейшей эмбриональной формой феодальной собственности в пределах Римской империи было экстерриториальное поместье, императорское или сенаторское, в котором эксплуатировался труд колонов и рабов, посаженных на землю. Однако именно для экстерриториальных поместий в Элладе не было места, так как вся ее территория распадалась на территории полисов, которых в такой сравнительно небольшой провинции, как Ахайя, насчитывалось около 100. Императоры не заводили салтысов на территории Эллады: прокураторы систематически продавали земли, получаемые императорами по наследству или с помощью конфискаций, да и вообще для образования крупных земельных владений, которые по своему масштабу могли бы сравниться с земельными владениями в других провинциях, в Элладе не было места. С другой стороны, для образования мелкой крестьянской и ремесленной собственности на средства производства, которая характерна для феодальной формации, в Элладе также было меньше предпосылок, чем где-либо. Крестьянство было в подавляющем большинстве согнано с земли, свободные ремесленники выте-

были, с одной стороны, отлив населения из Эллады, а частично и его физическое уничтожение, а с другой, — такое противоречивое явление, как избыток люмпен-пролетариата в городах и запустение земель вследствие недостатка рабочих рук. Именно такую картину рисует Дион Хрисостом для Эвбеи. Меры, предлагаемые оратором, показывают, как представители господствующего класса Эллады пытались бороться с нарастающим экономическим упадком страны. Дион рекомендует, с одной стороны, сдавать в аренду общественную землю на льготных условиях (на десять лет бесплатно, а после этого с уплаты небольшой подати с урожая, со скота же — ничего; неграждане получают землю на пять лет бесплатно, а после этого платят вдвое больше чем граждане), с другой, прибегнуть к насильственному выселению из городов свободной бедноты, в том числе и ремесленников, чтобы вернуть их к земледельческому труду (Dio Chrys., Orat., VII (XIII), 33—34; 36—37, 104—107).

Установление «римского мира» не могло, конечно, повернуть вспять колесо истории. Если по отношению к империи в целом рах Романа и способствовала определенному экономическому подъему, то в отношении Эллады — римской провинции Ахайи — римское владычество, как автор пытался показать в другой работе¹, означало только консервацию рабовладельческого строя на стадии его загнивания и кризиса. Римское владычество, разумеется, не могло ликвидировать ни противоречий рабовладельческого способа производства, ни последствий кризиса полиса, в частности, запустение страны. Напротив, императорское правительство даже способствовало в известной мере этому запустению, проводя политику насильственных синойкизмов сельского населения в крупные города, которые всегда служили важнейшей опорой римского владычества. Эти меры приводили временами к полному опустошению некоторых крестьянских областей, и без того уже обезлюдевших вследствие развития крупного землевладения. Так, например, Павсаний (VII, 18,8; X, 38,4) сообщает о переселении всего населения Этолии в Никополь. На синойкизм, правда, в этом случае добровольный, как на причину запустения страны, указывает и Страбон, который относительно Аркадии говорит, что «обрабатывавшие землю покинули страну еще с тех времен, когда большинство городов соединились в город, названный Великим [Мегалополь]» (VIII, 4, 11, 362). При этом дальше Страбон отмечает, что «ныне же и сам Великий город [Мегалополь] испытал слова комического поэта: „великую пустыню представляет собой Великий город“» (VIII, 8,1, 388).

Таким образом, запустение Эллады определялось социально-экономическими процессами, протекавшими на ее территории, и было неразрывно с ними связано. В свою очередь это запустение имело некоторые важные следствия для экономики и социального строя Эллады в период империи.

Обезлюдение страны привело к значительным изменениям в сельском хозяйстве. Мелкое землевладение исчезает на территории Эллады почти

нены из производства рабами. Те слои, из которых в других провинциях, в основном, формировалось феодально-эксплуатируемое крестьянство, отсутствовали в Элладе почти полностью. Правда, кое-где сохранялись остатки древнего свободного крестьянства или формировалось новое в лице арендаторов или эмфитевтов, однако, все эти категории землевладельцев сидели на полисной земле и были, следовательно, наименее удобны для закрепощения. Установлению феодализма в Элладе препятствовала в известной мере и ее небольшая территория. В I—II вв. н. э. для большинства римских провинций было еще характерно прогрессивное развитие рабовладельческого строя. Следствием этого было то, что рабовладельческий способ производства в Элладе гнил на корню и не мог быть сменен более прогрессивным типом производственных отношений.

¹ О. В. Кудрявцев, Ахайя в системе римской провинциальной политики, ВДИ, 1952, № 2, стр. 79.

полностью. Кое-где вблизи больших городов сохраняется еще интенсивное земледелие в его различных видах (садоводство, виноделие, разведение маслин), но значительные сельские территории превращаются в обширные пустынные пастбища для скота. Такова была судьба Этолии и Акарнании, Аркадии и Арголиды (Strabo, VIII, 8, 1, 388). Экстенсификация сельского хозяйства провинции означала его прогрессирующий упадок. Запустенные страны, которое в конечном итоге было следствием разрушения античной формы собственности, еще более способствовало разрушению этой формы собственности. В период империи процесс концентрации земли, который начался еще в конце классического периода и продолжался на протяжении всего периода эллинизма, идет еще дальше¹.

Одним из следствий запустения страны было то, что в Ахайе не сложилось настоящего колоната. В результате рассмотренного выше процесса здесь в период империи в отличие от других провинций не было значительных масс свободного крестьянства, которое образовывало основные кадры складывающегося сословия колонов. Существовавшие в Ахайе арендные отношения и практика раздачи отдельных участков в обработку рабам (положение которых напоминало в этом случае положение квази-колонов) не имели такого всеобщего характера, чтобы привести к образованию на территории Ахайи сословия колонов как определенной социальной прослойки. Поэтому процесс смены рабовладельческого строя феодальным на территории Эллады приобретает резко выраженный односторонний характер: здесь можно отчетливо проследить процесс загнивания рабовладельческого строя, тогда как элементы нового феодального строя, напротив, получают очень слабое развитие. Поэтому падение рабовладельческого строя в Элладе сопровождается катастрофическим упадком страны, и Эллада, бывшая когда-то, в период поступательного развития рабовладельческого строя, самой передовой страной Средиземноморья, теперь переходит на положение глухой провинции, не играющей почти никакой роли в формировании на территории Римской империи феодализма.

Другим важным следствием запустения страны было отсутствие в Элладе крестьянских движений. Так как в Элладе не было сословия колонов, как такового, не было, естественно, и движений колонов, которые сыграли такую важную роль в падении рабовладельческого строя. Народные движения в Элладе сосредотачивались в городах. Это были движения городской бедноты, протекавшие обычно в форме стихийных стасисов, главным образом, на почве продовольственных затруднений. Эти стасисы быстро затухали, не приводя ни к каким существенным результатам. Они, разумеется, расшатывали существующий строй, но не могли его окончательно ниспровергнуть, опять-таки потому, что в Ахайе не сложились в достаточной мере элементы феодализма.

Таким образом, запустение Эллады ни в коем случае не является само по себе причиной ее упадка. Оно определялось социально-экономическими процессами, протекавшими на ее территории, но оно было вместе с тем важным фактором и еще более важным симптомом кризиса рабовладельческого общества на территории Эллады.

¹ См. об этом О. В. Кудряцев, Герод Аттик и социальная борьба в Афинах, ВДИ, 1951, № 3, стр. 55—59.